

М.С. РОГОВИН: ФИЛОСОФ ПСИХОЛОГИИ¹

В.А. Мазиллов (Ярославль)

27 октября 2006 г. Михаилу Семеновичу Роговину исполнилось бы 85 лет. Уже больше 12 лет его нет с нами. Но эта статья не «юбилейная», хотя 85 лет – дата довольно «круглая». Сам Михаил Семенович, будучи человеком чрезвычайно скромным, юбилеев не любил. Поэтому настоящий текст представляет собой беглый эскиз, попытку очертить вклад выдающегося психолога в развитие методологии психологии. Эту статью никоим образом не следует расценивать как анализ методологических исследований М.С. Роговина. Несомненно, такого рода работа будет выполнена в дальнейшем: прошедшие годы показали, что его идеи не теряют актуальности, они по-прежнему перспективны, многие из них развиваются (хотя часто и без ссылок на работы исследователя, который высказал их первым). Впрочем, к этому у Михаила Семеновича отношение было «философское»... Будучи знатоком истории психологии, он часто говорил о том, что «все уже было»... Через 12 лет после ухода Учителя можно констатировать: его идеи живут, его ученики работают в Москве и Петербурге, Томске и Ярославле...

Михаил Семенович Роговин (1921–1993) принадлежит к числу замечательных отечественных ученых, сделавших для развития психологической науки в нашей стране чрезвычайно много. Его имя никогда не было громким. Но оно всегда было авторитетным. М.С. Роговин оставил многочисленные научные труды и своих прямых учеников, продолжающих развивать его психологические концепции. В Ярославле вышли два сборника научных трудов, посвященных памяти выдающегося ученого, чья творческая исследовательская и педагогическая деятельность в течение ряда лет была тесно связана с Ярославлем [3, 4].

Нам хотелось бы обратить внимание читателя на один из аспектов исследовательской деятельности М.С. Роговина, который, по нашему мнению, не получил до настоящего времени адекватного отражения в психологической литературе. Речь идет о том, что М.С. Роговин был в первую очередь методологом психологической науки. В то время занятия методологией совсем не приветствовались. Считалось, что главное сказано марксистско-ленинской философией, а методологические принципы психологии должны «вытекать» из «основополагающих положений».

Методология психологической науки понималась М.С. Роговиным не традиционно. Это важно подчеркнуть. В 1960-е гг. многие ис-

¹ Статья была опубликована в № 24 за 2006 г.

кренне полагали, что существуют уровни методологии: философская методология, общенаучная, конкретно-научная. При таком подходе о сколь-нибудь выраженной специфике психологического знания речи быть не могло; марксистско-ленинская философия выступала методологической основой психологии. Различия между отдельными дисциплинами могли описываться преимущественно в связи с некоторыми особенностями исследовательских процедур в данной предметной области. У М.С. Роговина был совсем другой взгляд...

Михаил Семенович Роговин родился 27 октября 1921 г. в Москве. Поступил на механико-математический факультет Московского государственного университета. Был призван в армию, прошел Великую Отечественную войну, участвовал в войне с Японией. Был командиром танка, затем, после ранения, инструктором, военным переводчиком. После войны М.С. Роговин окончил Военный институт иностранных языков, поступил в аспирантуру в МГИИЯ к известному отечественному психологу В.А. Артемову. В 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию «Проблема понимания». В конце пятидесятых – начале шестидесятых работал в фундаментальной библиотеке по общественным наукам АН СССР, преподавал на кафедре психологии МГПИ им. В.И. Ленина; в семидесятых и восьмидесятых был профессором на факультете психологии Ярославского государственного университета. В последние годы жизни Михаил Семенович заведовал кафедрой психологии в Московском государственном лингвистическом университете.

За это время им были написаны и опубликованы книги и учебные пособия: «Введение в психологию» (1969), «Философские проблемы теории памяти» (1966), «Проблемы теории памяти» (1977), «Структурно-уровневые теории в психологии» (1977), «Психологическое исследование» (1979), «Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования» (1988, в соавторстве), «Исследование отрицания в практической и познавательной деятельности» (1985, в соавторстве), «Основы исследования в акциональных науках» (1993, в соавторстве) и другие. Всего в его библиографическом указателе около трехсот пятидесяти работ. «Основы лингвистической психологии» Михаил Семенович закончить не успел. В сентябре 1993 г. его не стало...

Итак, М.С. Роговин был в первую очередь методологом психологии. Слова Л.С. Выготского, сказанные некогда о К. Коффке, могут быть отнесены к Михаилу Семеновичу: «Он был прежде всего и до конца последовательным методологом». Эти слова, конечно же, надо отнести и к самому Л.С. Выготскому, который во всем стремился дойти «до самой сути», «до сердцевины», как было замечательно сформулировано великим поэтом.

Методология психологии в России складывалась как методология на исторической основе. Н.Н. Ланге, В.Н. Ивановский, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн неоднократно подчеркивали, что подлинная

методология может существовать лишь на исторической основе. Замечательная книга М.С. Роговина «Введение в психологию» (1969) продолжала эту традицию. Михаил Семенович был исключительным знатоком истории психологической науки, что в значительной степени способствовало продуктивности его методологических исследований.

В наше непростое время часты ламентации: за годы господства коммунистической идеологии отечественная психология выпала из традиции, из мировой психологической науки. В значительной степени это так... Но были и такие люди, как М.С. Роговин. Прекрасное знание языков и любовь к науке позволяли ему «оставаться в традиции», прекрасно ориентироваться в зарубежной психологической науке, в тенденциях ее развития. Его многочисленные аналитические обзоры в журналах «Вопросы философии», «Журнал невропатологии и психиатрии» позволяли российским психологам приобщиться к научным поискам «буржуазных» ученых.

Переводы текстов Ж. Пиаже, Б. Инельдер, М. Мид, А. Валлона, К. Лоренца и др. [6], мастерски выполненные М.С. Роговиным, представляли собой своего рода хрестоматию современной зарубежной психологии. Его любимец – Пьер Жане – стал по-настоящему известен в СССР именно благодаря публикациям М.С. Роговина [5, 7, 8]. Джордж Келли – автор широко известной ныне теории личностных конструктов [14] и еще более широко используемой техники репертуарных решеток [13] – открыт нашей публике М.С. Роговиным. Его аспирантка И.Н. Козлова написала диссертацию по теории личностных конструктов [2].

Научные интересы Михаила Семеновича отличались разнообразием: психология понимания и теория памяти, патопсихология и медицинская психология, история психологии и ее теория, сравнительная психология и этология, теория личности и когнитивная психология, структурно-уровневый подход к психике... Но главный его интерес составляли – я в этом убежден – методологические проблемы психологии. Его исследования были посвящены самым разным аспектам методологии психологической науки. В рамках небольшой статьи невозможно сколь-нибудь полно отразить его методологические поиски, поэтому ограничусь лишь упоминанием отдельных моментов.

В книге «Введение в психологию» М.С. Роговин утверждает, что есть три вида психологического знания, три психологии, – донаучная, философская и собственно научная. На первый взгляд, в этом нет ничего особенного: трехчленные деления всегда были популярны. Достаточно вспомнить знаменитый контовский закон трех стадий, предполагающий наличие мифологического, метафизического и научного этапов в развитии знания. Однако, по мнению М.С. Роговина, донаучная, философская и научная психология не сменяют одна другую, а сосуществуют, образуя сложное единство, которое и является психологи-

ческим знанием. Взаимодействие этих составляющих, их взаимное влияние во многом объясняют специфику психологических концепций. М.С. Роговин отмечал: «В этой истории науки особое русло остается за развитием психологических понятий. Здесь донаучная и философская психология не сменяются научной психологией, а порождаемые повседневной деятельностью людей продолжают существовать и развиваться наряду с нею» [7. С. 377]. И далее: «С того момента, когда психология декларативно отделяется от философии и становится самостоятельной экспериментальной наукой, ее дальнейшее развитие, казалось бы, должно укладываться в схему тех закономерностей, которые устанавливаются и для других наук. Но этому препятствует особая линия развития систем психологических понятий, обусловленная сложным взаимодействием и взаимообуславливанием всех трех психологий (донаучной, философской и научной. – *В.М.*). Вследствие этого психологические понятия выступают как средство выражения особенностей человеческой деятельности, как средство фиксации и передачи опыта и вместе с тем как предпосылка и результат специально психологического исследования» [7. С. 378]. Роговину удастся создать завораживающую картину, отображающую проникновение познающего разума в тайны психического. Вся история психологии представлена как последовательность теоретических моделей, которые все более точно отражают самый сложный психический механизм.

Эта методологическая традиция была продолжена в небольшой, но чрезвычайно глубокой книге «Структурно-уровневые теории в психологии (методологические основы)». Понятие уровневой структуры, как представляется, недостаточно осмыслено самими психологами. Тем не менее все наиболее яркие достижения психологии двадцатого века были связаны с использованием понятий уровня и структуры.

В книге «Психологическое исследование» (1979) М.С. Роговин делает предметом анализа сам процесс психологического исследования. Особенно важным, на наш взгляд, является анализ проблемы объяснения в психологии. М.С. Роговин дает критический анализ известной работы Ж. Пиаже, показывая ограниченность схемы и типологии объяснения, предложенной выдающимся швейцарским психологом.

В монографии «Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования», написанной в соавторстве с Г.В. Залевским, сделана попытка рассмотреть структуру психологического и психопатологического исследования, что является значительным шагом на пути построения общей методологии наук о психическом. М.С. Роговин и Г.В. Залевский выделяют три вида психологического знания. Первый вид – знание о психических процессах и индивидуальных особенностях – «предметное знание». Второй вид – знание о самом процессе психологического исследования, о том, как получается, фиксируется и совершенствуется предметное знание о психике –

«знание методологическое». Третий вид знания – «знание историческое», в котором отражается закономерная последовательность развития первых двух видов знания и которое помогает нам понять общее состояние психологии на каждый конкретный период времени, при каждом хронологическом срезе [12. С. 8].

Классификация методов (альтернативная известной ананьевской) была предложена в конце восьмидесятых М.С. Роговиным и Г.В. Залевским [12]. Авторы рассматривают метод «...как выражение некоторых основных соотношений между субъектом и объектом в процессе познания» [12. С. 72].

Общее число методов, согласно М.С. Роговину и Г.В. Залевскому, может быть сведено к шести основным. Первый – герменевтический метод, который генетически соответствует нерасчлененному состоянию наук. В нем субъект и объект познания не противопоставлены резко, в единстве функционируют мыслительные операции и метод, познавательная деятельность регламентируется правилами языка и логики. Второй – биографический метод – выделение целостного объекта познания в науках о психике. Третий – метод наблюдения, дифференциация субъекта и объекта познания. Четвертый метод – самонаблюдение: на основе развитого внешнего наблюдения, уже имевшей место дифференциации, превращение субъекта в объект, их слияние. Пятый – клинический метод: субъектно-объектные отношения как таковые отходят на второй план, а на первый план выступает задача перехода от внешне наблюдаемого к внутренним механизмам психического. Шестой – метод эксперимента, при котором имеет место изоляция отдельных переменных, целенаправленное манипулирование ими для наиболее рационального познания каузальных связей. В методе эксперимента субъект познания с максимальной активностью противопоставлен объекту, кроме того, учитывается роль субъекта в процессе познания, оценивается достоверность выдвигаемых им гипотез [12. С. 72–73].

Эта классификация интересна тем, что в ней методы психологии соотносятся не с предметом, как это традиционно делалось, а с объектом психологического исследования. Авторы акцентируют внимание на наличии «теоретически важнейшей проблемы о диалектическом единстве объекта и метода исследования» [12. С. 16]. М.С. Роговин и Г.В. Залевский подчеркивают, что «сложность предмета и объекта исследования в науках о психике обуславливает особую значимость для них проблемы единства объекта и метода» [12. С. 16].

Мне кажется, что самое плодотворное время пришлось на семидесятые-восьмидесятые годы прошлого века, когда М.С. Роговин работал в Ярославле на кафедре общей психологии. Хорошо помню первое впечатление от лекций Михаила Семеновича, от общения с ним. Прошло много лет, но по-прежнему трудно назвать кого-либо, кто мог бы сравниться с ним в эрудиции, широте взглядов. Кстати, это едва ли не

единственный человек, который легко произносил слова, застревающие в горле у большинства вузовских преподавателей: «Ты знаешь, я этим никогда специально не занимался... Не знаю... Впрочем, посмотри там-то...». Сделанное Михаилом Семеновичем для Ярославского университета переоценить невозможно...

...И все-таки среди его научных увлечений главным было занятие методологией. Его первая большая книга «Введение в психологию», в сущности, является методологической. Но как же она не похожа на другие книги по психологии, выходившие в то время! В ней почти ничего не говорится про деятельность, про ее единство с сознанием... А описываются различные подходы, различные теории, за которыми можно увидеть единственный настоящий объект психологии [7]. Я помню то наивное, студенческое впечатление более чем тридцатилетней давности: значит, психология не может быть безнаказанно уложена в прокрустово ложе «одномерных» подходов советской психологии... Мне кажется, что книга «Введение в психологию» до сих пор не оценена по заслугам. Так бывает, когда исследование опережает время... *Geistzeit* иногда резвится...

Помню, Михаил Семенович рассказывал о трудной судьбе этой книги. Один из рецензентов – очень известный психолог, академик – вместо рецензии заявил: «Я читал, но ничего не понял». Для пособия, предназначенного студентам-психологам, согласитесь, рекомендация не лучшая. Тогда мне это казалось лишним подтверждением коварства академиков. А теперь я думаю, что, может быть, рецензент был искрен – новые идеи с трудом прокладывают дорогу. Во всяком случае, «Введение в психологию» до сих пор остается одним из немногих методологических исследований, раскрывающих всю сложность, многоплановость и неоднозначность психологической науки.

Историко-психологическое знание представляет собой важнейшую часть корпуса современного психологического знания. Согласно известной позиции, сформулированной в работе М.С. Роговина и Г.В. Залевского, могут быть выделены три вида психологического знания. Первый вид – знание о психических процессах и индивидуальных особенностях, которое есть «предметное знание». Второй вид – знание о самом процессе психологического исследования, о том, как получается, фиксируется и совершенствуется предметное знание о психике – «знание методологическое». Третий вид знания – «знание историческое», в котором отражается закономерная последовательность развития первых двух видов знания и которое помогает нам понять общее состояние психологии на каждый конкретный период времени, при каждом хронологическом срезе [12]. Еще раз подчеркнем: **знание историческое, согласно этой позиции, это единство знания предметного и знания методологического.** Без методологии слепа история, а без истории методология пуста.

Имре Лакатос, несомненно, прав. История психологии действительно позволяет – в полном соответствии с известным афоризмом Роберта Коллингвуда – узнать, что сделано, и тем самым понять, что представляет собой субъект деятельности. «Идея» истории справедлива не только по отношению к отдельному человеку, но и к науке в целом: «Познание самого себя означает познание того, что вы в состоянии сделать, а так как никто не может знать этого, не пытаясь действовать, то единственный ключ к ответу на вопрос, что может сделать человек, лежит в его прошлых действиях. Ценность истории поэтому и заключается в том, что благодаря ей мы узнаем, что человек сделал, и тем самым – что он собой представляет».

Методологические поиски привели М.С. Роговина к разработке структурно-уровневого подхода к пониманию психики. Подхода, в котором удалось объединить в рамках единого исследования структурный, функциональный, генетический, клинический... Здесь нет возможности анализировать концепции, разработанные М.С. Роговиным. Скажу только об одном. Мне кажется, что главной целью Михаила Семеновича было создание такой теории, которой можно было бы пользоваться (именно не излагать, а использовать на практике). Поэтому он всегда с недоверием относился к отвлеченным построениям, высоко ценил клинический метод, позволявший работать с человеком в целом. «Вместе с расширением самой области психологического исследования, вместе со все большей дифференциацией психологии теряется из вида ее главный объект – сам человек, продукт и в то же время творец определенной исторической эпохи, человек с его радостями и страданиями, стремлениями, успехами и ошибками, живой человек – единственный настоящий объект психологии. На его место становятся абстрактные «психологические механизмы», «детерминирующие тенденции», «содержание сознания», «акты», «процессы», «обратные связи» и т.п., которые, хотя и представляют необходимые строительные леса на здании научной психологии, хотя и углубляют наше понимание закономерностей психики, но которые, взятые вне общего контекста личности и деятельности человека, могут заслонить собой конечную цель психологического исследования» [7. С. 5].

М.С. Роговин был чрезвычайно скромным человеком. Тем не менее он прекрасно осознавал масштаб своего вклада в психологию. Структурно-уровневая концепция, которую М.С. Роговин со своими учениками разрабатывал в семидесятые-восемидесятые годы прошлого столетия, осталась недооцененной... Как и многие методологические идеи, содержащиеся в работах М.С. Роговина. Психология XXI в. потребует разработки новой методологии. Представляется, что работы М.С. Роговина могут оказать существенную помощь...

И, конечно, нельзя не вспомнить мудрость, оптимизм, неистощимый юмор Михаила Семеновича. Именно мудрость, а не умудрен-

ность. Я помню, что совсем не был удивлен, когда узнал, что его отец Семен Миронович Роговин был историком философии, профессором Московского университета, известным переводчиком (переводил Марка Аврелия и Спинозу, Канта и Юма, Макиавелли). Было что-то в М.С. Роговине от философа-стоика...

Конечно, хорошо бы завершить воспоминание на оптимистической ноте. Действительно, М.С. Роговин сделал очень много. Но я хочу сказать о том, чего он не сделал. Да, остались лекции, в частности по истории психологии. Но в лекциях Михаил Семенович раскрывался не полностью, из методических соображений он часто адаптировал учебный материал к уровню подготовленности студента. Его лекции всегда были ясными и понятными, какой бы проблеме ни посвящались.

Главной же для него была его научная деятельность. Бесконечно жаль, что он так и не написал свою историю психологии. Какая это могла бы быть история психологии, знают все, кому посчастливилось учиться у Михаила Семеновича, работать вместе с ним, пользоваться его консультациями, читать его книги, наконец, просто иногда бывать у него в кабинете в доме на Университетском проспекте, где рядом со старенькой пишущей машинкой обязательно «находилась в работе» «свежая» монография на английском, французском или немецком языке...

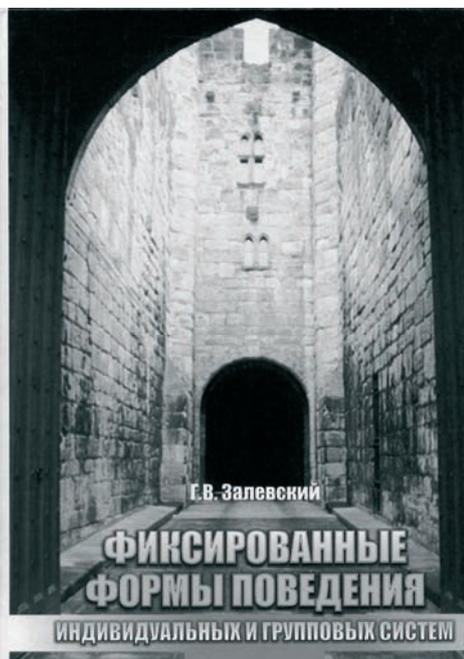
Я уверен, что все, кому посчастливилось учиться у Михаила Семеновича, помнят мудрого, знающего человека, психолога потрясающей эрудиции, автора многих книг по различным проблемам психологической науки, просто настоящего профессора...

Михаил Семенович Роговин опередил свое время. Точнее всего было бы назвать его не методологом, а философом психологии. Мне кажется, пройдет совсем немного лет, и в отечественной психологии появится полноценный раздел «Философия психологической науки». И тогда создатели новой философии психологии обязательно вспомнят Михаила Семеновича Роговина, одного из выдающихся философов психологии.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Сочинения: В 6 т. М., 1982. Т. 1.
2. *Козлова И.Н.* Личность как система конструкторов: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1975.
3. *Познавательные процессы и личность в норме и патологии.* Ярославль, 1995.
4. *Психотехнологии в социальной работе.* Ярославль, 1997.
5. *Пирковский С., Роговин М.* Пьер Жане // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1961. Т. 61, вып. 3. С. 449–456.
6. *Развитие ребенка / Пер. М.С. Роговина.* М., 1968.
7. *Роговин М.С.* Введение в психологию. М., 1969.
8. *Роговин М.С.* Пьер Жане // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 6. С. 100–110.

9. *Роговин М.С.* Изменения семантико-логической структуры психологических исследований // Вопросы философии. 1983. № 11. С. 76–87.
10. *Роговин М.С.* Психологическое исследование. Ярославль: ЯрГУ, 1979.
11. *Роговин М.С.* Структурно-уровневые теории в психологии. Ярославль: ЯрГУ, 1977.
12. *Роговин М.С., Залевский Г.В.* Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования. Томск, 1988. 234 с.
13. *Франселла Ф., Баннистер Д.* Новый метод исследования личности. М., 1987.
14. *Kelly G.A.* The Psychology of Personal Constructs. Vol. One: A Theory of Personality. N.Y.:W.W. Norton & Company Inc., 1955.

Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, норме и патологии). – Москва; Томск: Томский государственный университет, 2004. – 460 с.

ISBN 5-94621-92-0

В монографии проанализированы и систематизированы отечественные и зарубежные данные, материалы собственных многолетних экспериментально-психологических исследований фиксированных форм поведения на основе системного структурно-уровневого подхода. Дается классификация широкого спектра фиксированных форм поведения персеверативного, стереотипного и ригидного. В центре экспериментально-психологического анализа находятся ригидность – гибкость в континууме predispositional

ного фактора феноменологии фиксированных форм поведения отдельного человека как индивидуальной системы, семьи, организационных сообществ, школы, этносов как групповых систем.

В последнем разделе монографии аргументируется дифференциально-диагностическое, прогностическое, реабилитационное значение проблемы фиксированных форм поведения для медико-психологической практики, а также практик образовательной, инновационной, научного творчества и межэтнических отношений.